

М. Гюрчинов (Македония)

**Достоевский и русский авангард
(Отголоски Достоевского в «Бедном рыцаре»
Е. Гуро)**

Хорошо известно, что русский поэтический авангард в начале XX в. проявлял идиосинкразию к идейному миру и глубокому психологизму Достоевского. Одна из выдающихся личностей русского модернизма Елена Гуро принадлежала к кругу русских кубофутуристов, которые в своем радикальном манифесте всю преды-

душую литературу провозгласили академической, анахроничной и потребовали Пушкина, Достоевского и Толстого «сбросить с корабля современности».

Однако после выхода в свет фантастической повести Гуро «Бедный рыцарь» в 1988 г. в Стокгольме (вместе с другими ее произведениями под редакцией Анны Лунгрэн и проф. Нильса Аке Нильссона) оказалось возможным указать на многочисленные точки соприкосновения, совпадения духовного мира главных героев этой повести и идей и некоторых образов Достоевского последнего периода его творчества.

Повесть Гуро создана как фантастическая сказка, в которой описывается жизнь матери-госпожи Эльзы и ее встречи и беседы с выдуманным сыном Вилли, который периодически появляется и исчезает в повествовании, приобретающем с течением времени все более мистический, религиозный оттенок и интонацию. Хотя Гуро была представителем радикального крыла русского авангарда, ее творчество не является изощренной игрой или абстрактной вербальной конструкцией. По мере развития повествования читатель понимает, что ее произведение – своего рода воплощение кристально-чистой добродетели и апофеоз человеческих доблестей.

Центральная тема повести тесно связана с аффирмацией идеальной человеческой личности и духовного начала как ее основной субстанции, более того – с присутствием этого начала, одинакового в человеке и в природе, с идеей универсальности духа как силы, глубоко укорененной в основе всей жизни.

Нетрудно заметить существенное сходство между философскими, этическими и религиозными идеями главного героя повести Гуро и взглядами положительных героев Достоевского – князя Мышкина в романе «Идиот», старца Зосимы и Алеши Карамазова в последнем романе «Братья Карамазовы».

Бедного рыцаря Вилли в большой степени можно воспринимать как духовного брата князя Мышкина: обоим одинаково присуща мечта о счастье, о мире между всеми людьми, всепроникающая любовь, основанная на мудрости сердца, скромность, чувствительность и сочувствие к страдающим. Прямая линия, ведущая от образа Дон-Кихота к Бедному рыцарю Пушкина, а затем и к идеальной личности князя Мышкина, как будто нашла свое дальнейшее продолжение в образе бедного рыцаря Вильгельма. И Мышкин, и Бедный рыцарь Гуро захвачены идеей духовной красоты, примирения людей, утопическим идеалом общества, в котором бы исчезли ненависть, нетерпимость, вражда.

Безусловно, между ними имеются и существенные отличия, продиктованные различной поэтикой двух писателей: Мышкин – олицетворение прекрасного человека – «человек в действии», хотя и неуспешном, тогда как рыцарь Вилли – персонификация духовного совершенства человека, но исключительно в созерцательном плане. Однако их объединяет то, о чем Л.П. Гроссман в своей книге говорит, определяя образ князя Мышкина: «В нем есть какая-то ясность и теплота, раскрывающие ту мудрость сердца, которая превышает самые отточенные и блестящие доводы разума».

Программная идея Зосимы – всепроникающая, беспредельная любовь. «Я существу – я люблю» – лейтмотив его жизнеописания. Но Зосима защищает любовь плодотворную и живую. В «Дневнике» Елены Гуро находим много схожего: уже там появляется сильнейшая необходимость любить, порыв к любви, который превосходит все другие чувства. Кроме того, идея освобождения от тирании предметов и привычек, которую находим в моральном кодексе старца Зосимы, близка и главным героям «Бедного рыцаря». Сходство особенно выразительно в отношении универсального любовного начала, безграничной любви, которая сплавляет в нераздельное единство все элементы, все явления в мире – мир человека, животный мир, мир растительности – и приводит к целостному соединению человека с землей и с природой.

В философско-религиозном контексте «Бедного рыцаря» особое место занимает *страдание* как необходимый путь к просветлению и духовному перерождению. А в «Дневнике» Гуро находим высказывание: «Мое страдание – моя радость», как и синтагму «любить страдание», причем упоминается образ Христа как олицетворение идеи принятия страдания во имя счастья других людей. Нет сомнения, что в связи с этой идеей можно утвердить целый ряд сходств не только с образом Зосимы, но и с его духовным учеником Алешей Карамазовым как прототипом идеальной личности, которая должна осуществить «восстановление человека» и достичь того, что в образе князя Мышкина было трагически прервано.

Еще одна особенность повести «Бедный рыцарь» воспринимается как близкий отголосок идейно-философской основы, на которой строится монументальный роман «Братья Карамазовы». Это – тема детей. Так, в конце повести встречаем: «Приблизьтесь ко Христу, благословляющему детей». Тема ребенка и детской чистоты у Гуро связана с идеей красоты: «Только юности хочу поклониться», – говорит мать бедного рыцаря. «Надо замечать красоту, а дети никогда не забывают о том, что такое красота».

Особый интерес для нашей темы представляет вторая часть «Бедного рыцаря», озаглавленная «Из поучений Светлой Горницы». Сразу заметно, что жанровые особенности нарративной модели предшествующих глав здесь меняются: стилистическо-типологические средства этой части повести очень близки древнерусской литературной традиции («Поучение» Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника»), которая, как известно, оказала несомненное влияние на Достоевского и его героев последнего периода: имеем в виду образ Макара Долгорукого из романа «Подросток», образ Тихона из «Бесов» и образ старца Зосимы из «Братьев Карамазовых». Бессюжетность, главная особенность композиции повести, здесь достигает своего предела, богатые этические рефлексии, идеи всепрощения и спасения – все это здесь дано в форме наставлений, подражающей библейским текстам. Ряд явных совпадений с философско-религиозными взглядами Достоевского подтверждает Зоя Эндер в своих комментариях к этой части повести: «В «Поучениях Светлой Горницы» особенно ярко проявляется глубокий религиозный смысл, специфичный для русской литературы, и становится особенно ясным влияние из-

вестной традиции средневековой русской литературы... Но Елена Гуро восприняла эту традицию через Достоевского, из раздумий Мышкина и из проповедей инокa Зосимы».

Установка на внутренний духовный опыт, на «интуитивное сознание» и «со-зерцание» как основное условие творчества, стремление «познать душу вещей» и «уподобление детскому восприятию» – все это отличает Гуро от других русских кубофутуристов. Одним словом, сфера духовного опыта у нее имеет решающее преимущество перед исследованием новой художественной формы.

Поэтому отгораживать китайской стеной дело Достоевского от постреалистической литературы и искусства начала XX в., по нашему мнению, бессмысленно. Значение и ценность Достоевского могут лишь увеличиваться, поскольку открывается, что его творческий гений и религиозно-этические и философские идеи плодотворно влияли на отдельных представителей русского авангарда, что способствовало развитию новых и современных идей и литературных моделей как в русской, так и в мировой литературе XX в.

Отголосками Достоевского в «Бедном рыцаре» Елены Гуро, по нашему мнению, это суждение безусловно подтверждается.